

*В.Э. Молодяков**

Жак Бенвиль о континентальной политике Японии в Китае: «Маньчжурский инцидент» и его последствия

АННОТАЦИЯ: В статье рассмотрена реакция французских политических аналитиков «правой» ориентации на оккупацию Японией Маньчжурии («Маньчжурский инцидент») в 1931 г. Проанализированы причины, по которым данные авторы, прежде всего Жак Бенвиль, поддержали японскую экспансию в Китае.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китай, Маньчжурия, Япония, Франция, национализм, континентальная политика, экспансия.

Оккупация Маньчжурии Квантунской армией, начавшаяся в ночь с 18 на 19 сентября 1931 г. и получившая эвфемистическое название «Маньчжурский инцидент», ознаменовала новую, активную фазу экспансионистской «континентальной политики» Японии. Переход трёх восточных провинций Китая под её прямой контроль и создание там «независимого» государства-сателлита Маньчжоу-го существенно изменили стратегический баланс сил в регионе, что быстро отразилось на всей системе международных отношений.

Нанкинское «центральное правительство» Китая прибегло к помощи Лиги Наций, уже 21 сентября предъявив протест Японии и потребовав рассмотреть возникший конфликт. Япония являлась постоянным членом Совета Лиги Наций с момента её создания в 1919 г., закрепив таким образом своё признание в качестве «великой державы». Китай незадолго до рассматриваемых событий был избран непостоянным членом Совета. Рассмотрение и арбитраж конфликтов

* Молодяков Василий Элинархович, к.и.н., д.филол.н., Международный институт глобальных японских исследований, университет Такусёку, Токио, Япония; E-mail: vassili@ner.takushoku-u.ac.jp

между странами-участницами Лиги Наций входили в обязанности Совета, однако он впервые столкнулся с военными действиями подобного масштаба, хотя и проходившими без формального объявления войны.

Одновременно Нанкин развернул пропагандистскую кампанию, сделав ставку на «пассивное сопротивление», помощь держав и поддержку со стороны мирового общественного мнения, чтобы выиграть время для подготовки к войне. На его стороне выступил госсекретарь США Г. Стимсон, который 22 сентября заявил, что «маньчжурская проблема» касается не только Японии и Китая. 24 сентября Токио ответил, что не имеет к Китаю территориальных претензий и выведет войска с места их прежней дислокации. Однако практически все слои японского общества одобряли действия армии как «патриотические» и осуждали «нерешительность» своего правительства.

На заседаниях Совета Лиги Наций под председательством французского делегата Ж. Поль-Бонкура обычная атмосфера взаимной корректности даже при рассмотрении конфликтных ситуаций сменилась напряжённостью и непримиримостью, доходившей до взаимных оскорблений [1, с. 198–199]. Настаивая, что конфликт в Маньчжурии — лишь двусторонняя проблема, Япония отвергла резолюцию Совета с предложением вывести войска и приступить к переговорам с Китаем при участии нейтральных стран, принятую 24 октября всеми голосами против одного (Япония). Не входившие в Лигу Наций США поддержали её курс. Продолжая наступать, японские войска 19 ноября заняли Цицикар, 3 января 1932 г. Цзинчжоу — последний опорный пункт прежнего маньчжурского режима во главе с Чжан Сюэляном. Ответом стала «доктрина Стимсона»: 7 января в ноте правительствам Японии и Китая США заявили о непризнании «любой ситуации, договора или соглашения», которые противоречат Антивоенному пакту Бриана-Келлога, т.е. являются результатом разрешения проблем военными средствами. 11 марта Лига Наций единогласно присоединилась к этой формуле (Япония и Китай в голосовании не участвовали).

Правительства «великих держав», прежде всего Великобритании и Франции как наиболее влиятельных членов Лиги, приняли сторону Китая и осудили политику Японии, но воздержались от активных действий по противостоянию экспансии, считая возможным мирное, компромиссное решение. Неспособность Лиги разрешить «маньчжурскую проблему» в условиях отказа Японии поступиться завоёванным и отсутствия средств принудить её к этому стали первым очевидным свидетельством кризиса организации, создание которой считалось «венцом» послевоенного миропорядка.

Общественное мнение «великих держав», включая ведущих политических аналитиков и «большую прессу», в основном приняло

сторону Китая и Лиги Наций, критикуя и осуждая действия Токио. Прежде всего это относится к англоязычной, британской и американской, печати и политической литературе, где Япония практически не находила союзников или сочувствующих. Более сложную картину представляло собой общественное мнение Франции, важный сегмент которого открыто одобрил и поддержал японскую экспансию в Китае, причём с точки зрения как региональной, так и глобальной политики.

Такую позицию заняли ряд видных аналитиков и публицистов, называвшихся в тогдашней терминологии «крайне правыми». Прежде всего это относится к монархическому движению «Action française» («Французское действие») и его одноимённой ежедневной газете, которую читала вся политическая элита страны¹. Вождь и идеолог движения Шарль Моррас и его ведущий публицист Леон Доде уделяли главное внимание внутренней политике и европейским делам, поэтому о событиях на Дальнем Востоке высказывались редко. Они поддерживали Японию как носителя «порядка», противостоящего и «хаосу», который царит в раздробленном Китае, и «большевистской экспансии», в которой наряду с антиколониальной политикой Коминтерна видели главную опасность для региона, включая Французский Индокитай. Угрозы для французских колоний и интересов в Азии со стороны Японии они не усматривали. Важное место в их публицистике занимала критика Лиги Наций: Моррас и Доде считали её бессильной и потому бесполезной организацией, а её апологетами выступали их политические противники во главе с А. Брианом и Поль-Бонкуром.

Говоря о японофилии вождей «Action française», отмечу ещё два обстоятельства. Во-первых, они видели в Японии успешный пример современной монархии — сочетание динамически развивающегося государства с восстановленным традиционным монархическим строем, что считали идеалом для Франции. Во-вторых, Моррас и Доде принадлежали к поколению, затронутому культурным влиянием «жапонизма», моды на всё японское, и заставшему славу «экзотических» романов Пьера Лоти, включая «Госпожу Хризантему». Второе не следует недооценивать, потому что Моррас и Доде были не только политическими публицистами, но и людьми искусства, чьи симпатии и антипатии определялись в том числе эстетическими факторами.

Позицию «Action française» по «маньчжурской проблеме» наиболее подробно изложил Жак Бенвиль (1879–1936), считавшийся в

¹ В обширной литературе об «Action française» (преимущественно на французском языке) её внешнеполитическим позициям уделено недостаточно внимания, поэтому ценность сохраняет капитальное исследование Ю. Вебера [2].

монархических кругах главным специалистом по вопросам мировой политики, которые он ежедневно комментировал на протяжении нескольких десятилетий. Если мнения американских и британских аналитиков и публицистов о событиях в Северо-Восточной Азии отражены в исторических исследованиях, реакция общественного мнения Франции и лично — влиятельного Бенвиля до сих пор остаётся вне поля зрения исследователей (исключение — биография Бенвиля с разбором его взглядов на мировую политику [3, с. 293–296]).

Насколько можно судить по опубликованным текстам, интерес Бенвиля к Японии впервые проявился в 1921 г., когда наследный принц Хирохито (будущий император Сёва) посетил Париж. Визит наследника престола в Европу преследовал двойную цель: показать «цивилизованный мир» будущему монарху и будущего монарха — «цивилизованному миру». 4 июня 1921 г. Бенвиль делился впечатлениями и размышлениями с читателями «Action française»: «Япония всего лишь полвека назад открылась для иностранцев, но какой путь она прошла за столь короткое время! Молодой принц, прибывший сегодня на вокзал Сен-Лазар, — потомок богов. <...> Принцу Хирохито двадцать лет. Это молодость, и он представляет страну, которая, несмотря на древность своего происхождения, является молодой и радикально обновившейся державой. В двадцать лет всё будущее открыто. Растущая, богатеющая, полная жизненных сил Япония жадно прислушивается к зову будущего» [4, с. 97].

Однако Бенвиль не был бы верен себе, если бы ограничился сентиментальными восклицаниями. Продолжение статьи явилось излюбленным для него сочетанием анализа и прогноза: «Не надо быть пророком, чтобы предвидеть, что будущее правление наследного принца застанет выдающиеся события на Дальнем Востоке. В Японии, как и в США, строят много военных кораблей, и Тихий океан становится зоной проблем. Находящийся во власти анархии Китай готов распасться, между тем как влияние Японии становится всё сильнее. Соседство большевизма, усиление агитации в Индии бросают вызов спокойствию в Азии, но Япония в этих условиях может выступить как влиятельный посредник. Велика вероятность того, что, когда принц Хирохито достигнет зрелости, вызреют и многие проблемы, зарождение которых мы сейчас наблюдаем» [4, с. 98]².

Приступив к анализу «Маньчжурского инцидента», Бенвиль сразу обратил внимание на аргумент о необходимости для Японии

² Заглавия [4] и [5] могут быть переведены как «дневник», но это собрания статей и фрагментов статей о внешней политике, напечатанных в хронологическом порядке.

эмиграции избыточного сельскохозяйственного населения, который принял во внимание и такой критик японской экспансии, как Поль-Бонкур [1, с. 199]. «Много говорят об убыли населения как о бедствии, — отметил Бенвиль 16 октября 1931 г., — но надо помнить, что переизбыток населения — не меньшее бедствие. <...> Именно в этом вечная причина миграций и вторжений. Если нынешний прирост населения Японии будет сохраняться (а у нас нет оснований предполагать обратное), через несколько лет оно достигнет 100 миллионов человек, которым надо будет где-то жить. Маньчжурия, не будучи землёй обетованной, может помочь решению проблемы этого избытка населения» [5, с. 147].

Напомнив об экономическом проникновении Японии в регион: «Железные дороги, порты, шоссе, сами города — всё это её творение», — и указав на его мирный характер, французский аналитик отметил, что Токио «не пожелает отказываться от плодов своих трудов». Скептически отозвавшись о попытках держав и Лиги Наций вмешаться в конфликт между Японией и Китаем, Бенвиль признал важность предотвращения новой войны (трудно представить иное!), но при этом заметил: «Необходимо уравновесить избыток населения и дать всем средства к существованию, но данная задача явно превосходит возможности Лиги Наций, не говоря о возможностях китайского правительства» [5, с. 148]. То есть, по его мнению, решение проблемы — другой вопрос, реальной или надуманной, — перенаселённости Японии путём мирной иммиграции на континент может разрядить политическую напряжённость и принести экономические блага.

Следующим региональным конфликтом, вызвавшим международный резонанс, стала высадка в конце января 1932 г. японских войск в Шанхае. Поводом стало убийство нескольких японцев, хотя, возможно, это была провокация с целью отвлечь внимание от событий в Маньчжурии. Кровавопролитный конфликт стал предметом разбирательства в Лиге Наций и, разумеется, привлёк внимание Бенвиля. «Всё время, пока китайцы и японцы бомбардируют и обстреливают друг друга, — писал он 6 февраля, — они держат в Женеве своих представителей, и ни те ни другие не хотят выглядеть агрессорами. <...> Война запрещена, она поставлена вне закона (отсылка к Антивоенному пакту. — *В.М.*). <...> Сегодня это не война, а всего лишь вооружённые столкновения. Новый метод: война приспособлена к запрету войны» [5, с. 161–162].

Дальнейшее развитие событий побудило автора отказаться от иронического тона. «Сопrotивление китайских войск превзошло ожидания, — отметил он пять дней спустя. — Да, японцы были один против десяти. <...> Но они просчитались. Они не одолели

противника так легко, как воображали, и были вынуждены послать за подкреплениями. Так случается нередко. Предварительные оценки мощи армий могут быть чреваты грубыми ошибками. <...> В этой игре можно проиграть, но по той же самой причине есть шанс и выиграть. <...> На войне даже устоявшиеся репутации могут оказаться ненадёжными» [5, с. 162–163].

Немалые усилия к урегулированию конфликта приложил японский представитель в Лиге Наций Сато Наотакэ. «Сегодняшняя депеша из Женевы, — писал Бенвиль 4 марта, — сообщает, что Сато принёс хорошие новости: боевые действия в Шанхае прекращены. Уверен, что на устах вестника мира играла та вежливая улыбка, которую японцы сохраняли на протяжении всего инцидента». Перемирие было заключено на японских условиях — отсюда и предлагаемая улыбка Сато. «Внеочередное заседание, созванное сегодня утром по требованию Китая, предстало перед совершившимся фактом. <...> Всё решила, всё рассудила сила оружия». Отметив, что храбро сражавшиеся «китайские солдаты были преданы анархией в собственной республике, точнее в двух республиках, поскольку кантонские войска не были поддержаны нанкинскими», аналитик счёл, что исход конфликта «для Лиги Наций является менее славным результатом», поскольку она «ошибочно идентифицировала свою позицию с позицией китайских националистов» [5, с. 163–164].

Бенвиль считал, что страна может проиграть без большого ущерба для репутации, но международная организация, тем более претендующая на роль устроителя миропорядка, — не может. «Искренние друзья Лиги Наций опечалены дурацким положением, в которое организацию поставили невежество и легкомыслие её руководителей. Но это мелочи. Ибо на Дальнем Востоке сохраняется политическая ситуация, которую не урегулировать одними фразами» [5, с. 164]. Поэтому Бенвиль принципиально возражал против создания международной армии под эгидой Лиги Наций. Его позицию выразил короткий и чёткий вопрос: «А если такая армия потерпит поражение?» [6, с. 58].

Наибольшую критику со стороны Бенвиля вызвало решение Ассамблеи Лиги Наций об осуждении действий Японии в Маньчжурии на основании доклада «комиссии Литтона», в результате чего японское правительство решило выйти из этой организации. «Лига Наций так постаралась, — заявил Бенвиль 25 февраля 1933 г. с несвойственной ему горячностью, — что Япония порвала с ней. <...> Лига предпочла Китай Японии, не просчитав последствия. Ах, если бы она послужила этим делу мира! Но война на Дальнем Востоке возобновится. Лига Наций вынуждает говорить о себе, что она бессильна делать добро, зато может принести много зла» [5, с. 199].

Разрыв Японии с Лигой Наций французский аналитик оценил как её разрыв с Западом и, соответственно, ослабление Запада. «Япония отсекает себя от Европы. Революция, которую она упорно осуществляла на протяжении семидесяти лет, закончилась. Япония не только гордилась тем, что вестернизируется. Она не просто перенимала внешние, механические формы западной цивилизации. Она хотела участвовать в европейской жизни. Даже её война с Россией была не более чем эпизодом. <...> Зададимся вопросом: не подчинилась ли Лига, приняв неразумное и даже противоречащее разуму решение в пользу анархического, националистического и наполовину большевизированного Китая, внешнему влиянию, а именно влиянию Соединённых Штатов. Именно внешнему, потому что Соединённые Штаты не являются членом Женевской ассоциации» [5, с. 199].

Азиатский курс Вашингтона Бенвиль оценил как потенциально опасный. «На протяжении многих лет американская политика из страха перед Японией старалась её изолировать. Это дело американцев, но оно не к добру. Соединённым Штатам уже удалось разорвать союз, соединявший англичан и японцев, — они добились этого на Вашингтонской конференции. И что, дела на Дальнем Востоке пошли лучше? Когда Япония порвёт с остальным цивилизованным миром, когда она уже ни на кого не будет оглядываться, вот тогда, может, и произойдет тот конфликт на Тихом океане, который многие предсказывают» [5, с. 199–200].

В другом отклике на те же события Бенвиль выразился ещё резче. «Когда-нибудь мы узнаем, какие расчёты, какие манёвры заставили Лигу исключить Японию. Поскольку это не Япония ушла. Это Лига её выгнала. В любом обществе, в любых отношениях это не вызвало бы ни малейших сомнений. Вы предупреждаете, что если вам не будут даны такие-то гарантии, не будут исполнены такие-то договорённости и соблюдены такие-то условия, наконец, если вам будет отказано в одном, а другое сделано против вашей воли, — дальнейшее ваше пребывание в этом доме невозможно. Вы привели свои аргументы и доказательства своей доброй воли. Они поступили по-другому. Кто хотел разрыва? Именно это случилось с Японией. <...> Всё, что можно было сделать для разрыва Японии с Лигой, было сделано». «Решение, принятое Лигой Наций в пользу так называемого Нанкинского правительства, необъяснимо, — добавил он. — Потому что его не объяснить ни идеологией, ни просто глупостью» [7, с. 277–278].

Антияпонский курс Лиги Наций Бенвиль оценивал с точки зрения его возможных последствий, прежде всего, для Франции и её азиатских владений. «Манёвр по изоляции (Японии. — *В.М.*) предвещает манёвр по окружению. Япония уже заранее названа агрессором» [7, с. 277–278].

ром. Манёвр соответствует взглядам американского правительства, концепции „открытых дверей“ в Китае и боязни конфликта на Тихом океане. Интересам европейских держав он решительно не соответствует. Поддержание мира в Азии и окружающих её водах путём разрыва с Японией — это не просто иллюзия, не просто заблуждение. Это ошибка. Лига выступила против единственного сторонника, носителя и гаранта западной цивилизации на Дальнем Востоке. Японцев отвадили от продолжения долгих и достойных уважения усилий по поддержанию контакта с Западом. Об этом придётся пожалеть» [7, с. 278].

Чем конкретно это угрожало Парижу? «Представьте, что Япония, порвав с Англией и Францией, примет сторону Германии. Какой набег она может устроить от Манилы до Сайгона, от Сингапура до Цейлона. Мы *это* хотим ей позволить при первых же трудностях, с которыми столкнутся европейские страны, имеющие владения в Азии?» [5, с. 200].

Современники не зря называли Жака Бенвиля «Кассандрой», поскольку обычно сбывались именно худшие его предсказания — худшие с точки зрения интересов его страны. Позиция, занятая Францией во время «Маньчжурского инцидента» и после него, объективно ухудшила её отношения с Японией и стала частью процесса, толкнувшего правящие круги Токио на самоубийственный союз с нацистской Германией.

Литература

1. *Paul-Boncour J.* Entre deux guerres. Souvenirs sur la IIIe République. <Vol. II.> Les lendemains de la victoire. 1919–1934. P.: Plon, 1945.
2. *Weber E.* L'Action française. P.: Stock, 1964.
3. *Decherf D.* Bainville. L'intelligence de l'histoire. Biographie. P.: Bartillat, 2000.
4. *Bainville J.* Journal, 1919–1926. P.: Plon, 1949.
5. *Bainville J.* Journal, 1927–1935. P.: Plon, 1949.
6. *Maurras Ch.* Jacques Bainville et Paul Bourget. P.: Cadran, <1938>.
7. *Bainville J.* La Russie et la Barrière de l'Est. P.: Plon, 1937.

*V.E. Molodyakov**

Jacques Bainville on the Japanese continental policy in China: the Manchurian incident and its consequences

ABSTRACT: This article deals with the reaction of prominent French political analysts, mainly right-wing, to Japanese occupation of Manchuria in 1931 ('Manchurian incident'). The author analyzes reasons

why these commentators, first of all Jacques Bainville, supported Japanese expansion in China.

KEYWORDS: China, Manchuria, Japan, France, nationalism, continental policy, expansion.

* Molodyakov Vasiliy Elinarkhovich, PhD (History), Dr.Hab. (Philosophy), International Institute of Global Japanese Studies, Takushoku University, Tokyo Japan; E-mail: vassili@ner.takushoku-u.ac.jp